

В. К. Шацилло
СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ РОССИИ И ГЕРМАНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

УДК 94(47)''1914/19''

ББК 63.3(2)611-6

В статье анализируются наиболее актуальные проблемы, связанные с историей отношений между Российской империей и ее противниками в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделяется попыткам немецкого военно-политического руководства склонить Россию в конце 1914–1916 гг. к заключению с центральными державами сепаратного мирного договора. На основании документов из немецких архивов, многие из которых были впервые введены в научный оборот, автор пришел к выводу, что российское руководство решительно отвергло все предложения заключить сепаратный мир с противником за спиной своих союзников. С другой стороны, и среди германского военно-политического руководства не существовало единой стратегии в отношении Российской империи. Сторонникам заключения мира с Петроградом в Берлине активно противостояли приверженцы жесткой аннексионистской политики и идеи полного военного разгрома России.

Ключевые слова: Первая мировая война, международные отношения в 1914–1916 гг., мирное посредничество, сепаратные переговоры между Германией и Россией, внешняя политика России

Противоборствующие коалиции в августе 1914 г. вступили в войну, имея детально разработанные стратегические планы, между которыми было существенное отличие: если Антанта предполагала вероятность длительной борьбы с противником, то Германия руководствовалась так называемым планом Шлиффена, основой которого была молниеносная война. Подготавливая блицкриг, немецкий Генштаб исходил из того, что для войны на истощение Германия не имеет достаточных материальных и людских резервов. Как известно, события на фронтах Первой мировой войны стали развиваться по другому сценарию. Случилось то, чего более всего опасалось германское командование: страна была вынуждена вести войну на истощение на два фронта.

Непростое стратегическое положение, в котором оказалась Германия, было быстро осознано не только немецкими военными, но и политиками. Внесение раскола в ряды со-

юзников по Антанте стало теперь одной из основных задач германской дипломатии.

Первым свидетельством этого явилось письмо руководителя внешнеполитического ведомства Германии фон Ягова бывшему послу Берлина в Санкт-Петербурге Пурталесу от 11 ноября 1914 г. В нем, в частности, говорилось: «Мы должны добиться напряжения между нашими врагами, чтобы разорвать тройственную коалицию».¹

Мысль о налаживании контактов с царским двором посетила не только шефа МИДа Германии, но и верховное руководство армии. «До тех пор, пока Россия, Франция и Англия держатся вместе, нам невозможно победить противников и... обеспечить для нас подходящий мир. Или Россия, или Франция должны быть отделены. Прежде всего, мы должны стремиться к тому, чтобы побудить к миру Россию... Можно с уверенностью ожидать, что если Россия пойдет на мир, то также уступит и Франция»,² — рассуждал начальник германского Генштаба Э. Фалькенгайн.

21 ноября 1914 г. крупный немецкий промышленник А. Баллин сообщил о том, что датский король Христиан X выразил пожела-

*Шацилло Вячеслав Корнельевич — д.и.н., профессор, в.н.с. центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: vshatsillo@mail.ru*

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-31-10010 «Россия в стратегии Первой мировой войны»

¹ L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des affaires etrangeres. Т. 1. Paris, 1962. P. 10, 11. Ягов — Пурталесу. 11.11.1914.

² Ibid. P. 15.

ние установить контакты со своими двоюродными братьями — королем Англии и русским царем.³ Информация о датской посреднической миссии была положительно воспринята в германском Генеральном штабе, но неоднозначно — в политическом руководстве. В последних числах ноября в Берлине развернулась дискуссия по вопросу о целесообразности поиска мира с Россией.

Шеф Генштаба Фалькенгайн, например, исходил из того, что, коль скоро осуществить план Шлиффена не удалось, сепаратный мир с Россией благоприятным образом скажется на положении Германии. Его, как и Бисмарка, пугала огромная территория России и ее людские резервы. В этих условиях наилучшим решением вопроса для Германии была бы ликвидация Восточного фронта и последующая концентрация усилий на Западном. «Россию разгромить невозможно — с ней можно только договориться» — такова была его позиция.⁴ Он был против разгрома России и по политическим соображениям, полагая, что второе после русско-японской войны поражение России неизбежно революционизирует страну, а русский бунт неизбежно перебросится на Германию.⁵

Идею поиска компромисса с Россией поддерживал и министр иностранных дел Германии фон Ягов.⁶

За мир с Россией выступал и влиятельнейший морской министр А. Тирпиц. Главным соперником рейха он считал Англию. «Политическим мозгом Антанты всегда был Лондон; он же становился все более и ее военным мозгом... Никакое расчленение царской империи, которое имели в виду германские дипломаты и демократия, не могло нам помочь, если главный враг оставался для нас недосягаем. <...> Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев во славу англо-саксов», — писал гросс-адмирал.⁷

Особого мнения придерживался рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег. Он сначала сдержанно относился к идее возможности заключения сепаратного мира с Россией, полагая, что она еще не готова к нему, но считал, что грядущие победы Гинденбурга смогут в будущем создать основу для «взаимопонимания» между двумя странами.⁸ Например, информируя 24 ноября 1914 г. германский МИД о предложении, сделанном датским королем, канцлер присовокупил: «По моему мнению, ответ должен быть отсрочен до тех пор, пока не наступит решение на Востоке».⁹

Иной позиции придерживался государственный секретарь А. Циммерман, за спиной которого, по мнению многих историков, стоял генерал Э. Людендорф.¹⁰ Он считал, что Англия и Россия должны быть повержены, в противном случае они будут продолжать представлять угрозу Второму рейху. В принципе и Циммерман допускал возможность заключения сепаратного мира с Россией, но только после того, как будет завоевана Польша, освобождена Галиция, стабилизируется положение на Западном фронте и разгромлена Сербия.

Таким образом, в конце 1914 г., когда в Берлине вопрос о возможности начала сепаратных контактов с Россией был впервые переведен в практическую плоскость, ни среди немецких военных, ни в правительстве не существовало единства мнений. При отсутствии согласия по такому деликатному вопросу последнее слово оставалось за кайзером Вильгельмом II. Он в этой ситуации встал на сторону начальника Генштаба и выступил за скорейшее установление неформальных контактов с Петроградом. К тому же и австро-венгерское правительство, и венский двор также выступили в поддержку этой идеи.¹¹

Но, несмотря на то что немцы по собственной инициативе стали зондировать почву для начала переговоров с Россией, в недрах германского руководства по-прежнему не существовало согласованных планов в отношении противников. Об этом свидетельствует,

³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PAAA). Der Weltkrieg № 2. Vermittlungsaktionen. R20447. Баллин — Вильгельму. 21.11.1914.

⁴ См.: Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Проблемы сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С. 48, 49.

⁵ См.: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 272.

См.: Писарев Ю. А. Первая мировая война и проблема сепаратного мира // Новая и новейшая история. 1985. № 6, 7. С. 51.

⁷ Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 270, 306.

⁸ PAAA. Vermittlungsaktionen. R20447. Бетман-Гольвег — в МИД. 25.11.1914. См. Также: L'Allemagne et les problemes... Т. 1. Р. 25.

⁹ PAAA. Vermittlungsaktionen. R20447. Бетман-Гольвег — в МИД. 24.11.1914.

¹⁰ См.: Farrar L. L. Divide and Conquer. German efforts to conclude a separate peace. 1914–1918. New York, 1978. Р. 8. См. также: Евдокимова Н. П. Указ. соч. С. 49.

¹¹ PAAA. Vermittlungsaktionen. R20448. Ягов — в главную штаб-квартиру. 30.12.1914.

на наш взгляд, телеграмма канцлера Бетмана послу в Риме, в которой говорилось: «Отколов Францию, войну против России и Англии мы можем закончить уверенной победой. Это бы означало относительное ослабление Франции, воздвигло преграду против славянской угрозы и потрясеный английский мир мирового владычества».¹² Эта мысль, выраженная канцлером 5 января 1915 г., противоречит его же указаниям МИДу от 6 января того же года, в частности утверждению, что «откол России от коалиции был бы для нас наиболее желательным». Остается только догадываться, в каком случае Бетман был искренен.

В конце февраля 1915 г. посланец датского короля Андерсен посетил Петроград. 20 февраля он встретился не только с Николаем II, но и с министром иностранных дел России Сазоновым, а также с графом Витте. Все его собеседники высказали негативное отношение к сговору с Германией за спиной союзников. Провалились и другие попытки немцев наладить контакты с российским императорским двором.

Какими мотивами можно объяснить стремление Берлина наладить с Россией связи, проявленное им в конце 1914 — начале 1915 гг.? Ответов на этот вопрос может быть несколько, но, безусловно, главную роль здесь играло стратегическое положение на континенте. Крах стратегии молниеносной войны имел более важные последствия для Германии и ее союзников, чем для стран Антанты. Находящиеся в блокаде державы были практически лишены возможности вести внешнюю торговлю; продовольственные запасы Германии не были рассчитаны на продолжительную войну; не хватало Берлину и важнейших стратегических материалов; сложным для немцев было и положение на полях сражений как на Западном фронте, так и на Восточном.

В этих условиях в германском руководстве появилось немало сомневающихся в том, что рейхсвер в состоянии победить сразу на двух фронтах. Ситуация, сложившаяся к весне 1915 г., подсказывала им, что выход России из войны и ликвидация протяженного Восточного фронта были бы для Германии идеальным решением проблемы.

Настойчивые попытки германских политиков установить тайные контакты с российским руководством в начале 1915 г. можно объяс-

нить и ситуацией, сложившейся на Балканах после начала Дарданелльской операции. Межсоюзнические разногласия в этом регионе немцы и попытались использовать в своих интересах, чтобы внести раскол в стане Антанты. Однако планы немцев не осуществились и на сей раз. Босфорские соглашения стали победой российской дипломатии и нанесли очевидный удар по замыслу Берлина расколоть Антанту.

Положение на Восточном фронте изменилось к весне 1915 г. Для усиления давления на Петроград Фалькенгайн предложил канцлеру использовать неудачи русской армии в Галиции. Он по-прежнему считал главным врагом Второго рейха англичан, а Восточный фронт был для него лишь досадной помехой, которая затягивала решение основного вопроса.

В Вене также считали желательным заключение мира с Россией. «Вероятно, после наших побед в Галиции станет возможным достичь сепаратного мира с Россией. Это было бы для нас самым лучшим», — писал Ягову министр иностранных дел Австро-Венгрии Чиршки 15 мая 1915 г.¹³

Многие германские стратеги после удачного наступления Германии и Австро-Венгрии в Карпатах в мае–июне 1915 г., однако, сделали прямо противоположные выводы. Так, в июне 1915 г. Бетман выступил против каких-либо миротворческих инициатив Германии в отношении России. Изменение общей политики германского руководства после побед войск Центральной коалиции в Карпатах заметно и по результатам встречи 13 мая 1915 г. канцлера с лидерами крупнейших политических партий, представленных в рейхстаге. В ходе этой встречи он выразил мысль о том, что Бельгия должна стать вассалом Германии и быть оккупирована рейхсвером, Франция должна была передать Германии бассейн Бриэ и Лонгви, Бельфор и «улучшить» в пользу Берлина границу в Вогезах. Что же касается России, то канцлер, сам ясно так и не высказавшись, предоставил в этом вопросе решающее слово верховному командованию. А оно на тот момент было «согласно» отодвинуть западную границу Российской империи на линию Ченстохов — Псковское озеро.¹⁴

Таким образом, в начале июня 1915 г. глава немецкого правительства решил приостано-

¹³ Ibid. R20453. Чиршки — Ягову. 15.5.1915.

¹⁴ Werstap K. *Konservative Politik im letzten Jahrzehnt des Kaiserreiches*. Berlin, 1935. Bd. 2. S. 51, 52.

¹² Ibid. R20447. Бетман-Гольвег — в МИД. 5.1.1915.

вить «мирное наступление» на Россию и прекратить до «лучших времен» поиск каких-либо контактов с Петроградом.

«Лучшие времена» для канцлера, видимо, настали уже в конце июня — начале июля 1915 г. В июле–августе 1915 г. в Польше и в Прибалтике русская армия вела ожесточенные оборонительные бои. В результате российским военным командованием было принято решение спрямить фронт и отвести армии из Польши.¹⁵

Однако, несмотря на изменение обстановки на восточном театре военных действий в конце июня — начале июля 1915 г., между канцлером Бетманом-Гольвегом и германской дипломатической миссией в Копенгагене начался новый раунд переписки относительно следующей посреднической миссии Андерсена — посланника датского короля. Накануне его поездки Бетман просил довести до сведения датчанина, что его страна «не имеет противоречий интересов ни на своей границе, ни к востоку от России», а поэтому «бесконечное продолжение войны бесполезно и нецелесообразно».¹⁶

11 июля 1915 г. Андерсен в очередной раз отправился в Россию, а 21 июля он был принят Николаем II.¹⁷ Встретился он и с российскими политиками. Ничего нового они ему, однако, не сказали. Как заявил эмиссару Николай II, «Россия сможет заключить только общий с союзниками мир».¹⁸

Положение на Восточном фронте ко второй половине 1915 г. между тем становилось все более и более благоприятным для Германии. Изменение стратегической ситуации на этом театре военных действий заставило немецкого канцлера пересмотреть свое отношение к возможному сепаратному миру с Россией и поискать в этом плане новые аргументы. От возможности заключения подобного мира он решил теперь не отказываться. Так, 30 июля 1915 г., изложив в письме Фалькенгайну ситуацию, сложившуюся после отказа Николая II от посредничества датской королевской семьи, Бетман пришел к выводу о том, что «успехи наших военных операций в Польше заставят Россию решиться на заключение сепаратного

мира». А наиболее благоприятный момент, по его мнению, наступит только тогда, когда «Россия потеряет последнюю надежду на падение Дарданелл и на привлечение на свою сторону Болгарии».¹⁹

Руководствуясь этими соображениями, канцлер предложил начальнику Генштаба продолжить зондирование России с тем, чтобы «в более или менее официальной форме через Данию или Швецию выразить нашу готовность заключить мир».²⁰ Но, охарактеризовав создавшееся на Восточном фронте военное положение как крайне благоприятное для Германии, он подчеркнул, что считает Польшу «в той или иной форме потерянной для России», и далее: «То, что отсюда вытекают последствия также и для Финляндии и прибалтийских провинций, кажется мне несомненным».²¹

Таким образом, если раньше глава немецкого правительства говорил только о «небольшом исправлении границы» в Прибалтике и Польше, и даже о территориальной компенсации России за счет Австро-Венгрии, то теперь он страдал Российской империю отколом вслед за Польшей других ее западных земель.

В России же по-прежнему не думали о сепаратном мире с врагом и были готовы продолжать войну до победного конца. Так, по завершении своей третьей миссии в Россию 8 августа Андерсен сообщил немцам, что «царь перед ним защищал точку зрения, что Россия не побеждена, что русские по-прежнему рассматривают как Курляндию, так и Польшу как часть собственно России и что Россия в состоянии довести войну до успешного конца».²²

Только теперь в Берлине осознали бессмысленность дальнейших попыток склонить руководство России к сепаратному миру. Канцлер в те дни сделал, на наш взгляд, ложный вывод о том, что «царь не ориентируется в действительном военном положении, возможно, не ориентируются также и генералы».²³ В этой ситуации Бетман принял решение временно прекратить попытки связаться с русскими.

К мысли о том, что для того, чтобы русских сделать более сговорчивыми, их надо «измотать», пришел и шеф имперского Генштаба Фалькенгайн.

¹⁵ См.: Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 255.

¹⁶ L'Allemagne et les problemes... Т. 1. Р. 139. Бетман-Гольвег — в представительство в Копенгагене. 9.7.1915.

¹⁷ См.: Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 537.

¹⁸ L'Allemagne et les problemes... Т. 1. Р. 145. Брокдорф-Рантцау — в МИД. 29.7.1915.

¹⁹ Ibid. Р. 147. Бетман-Гольвег — Фалькенгайну. 30.7.1915.

²⁰ Ibid.

²¹ PAAA. Vermittlungsaktionen. R20453. Бетман-Гольвег — в посольство в Стокгольме. 31.7.1915.

²² L'Allemagne et les problemes... Т. 1. Р. 154. Нота Баллина. 9.8.1915.

²³ Ibid. Р. 156. Нота Бетмана-Гольвега. 9.8.1915.

Так окончательно провалилась еще одна попытка германской дипломатии внести раскол в ряды союзников по Антанте и вывести из войны Российскую империю путем заключения с ней сепаратного мирного договора.

К концу военной кампании 1915 г. стало очевидным, что Берлину не удалось решить главную задачу — ликвидировать Восточный фронт и военным способом вывести из войны Россию. Несмотря на ряд поражений, русская армия так и не была разгромлена и к началу кампании 1916 г. вполне сохранила свою боеспособность, что наглядно показали дальнейшие события Первой мировой войны.

Не оправдались и все надежды германского руководства вывести из войны Россию путем заключения с ней сепаратного мирного договора. Страна проявила себя верным членом Антанты и не только упорно сражалась на всех фронтах, но и наотрез отказалась вести какие-либо переговоры о мире за спиной своих союзников по Антанте. Нет ни одного документального свидетельства о том, что хоть кто-то из высшего руководства в Петрограде был склонен вести переговоры с Берлином о заключении договора о мире.

Семнадцать месяцев европейской бойни к началу 1916 г. не дали существенного стратегического преимущества ни одной из противоборствовавших коалиций, хотя положение стран Центрального блока после завоевания Польши, возвращения Галиции и разгрома Сербии несколько улучшилось. Самый опасный для этого блока Восточный фронт теперь был отодвинут от границ Германской империи на 200–300 км. Основная борьба, однако, была впереди. При этом неиспользованных людских, финансовых и материальных ресурсов у Антанты было существенно больше.

Усиление военной мощи вооруженных сил Антанты сказалось и на стратегических планах союзников. Военно-политическое руководство Великобритании и Франции решило в 1916 г. перейти к активным боевым действиям. На конференции в Шантийи в марте 1916 г. были определены и окончательные сроки (июль) общего наступления союзников на Западном фронте.

Что же касается Германии и ее союзниц, то в их стратегических планах главный удар теперь намечался не на Восточном, а на Западном фронте. Начальник германского Генштаба полагал, что у России, как показал 1915 г., еще достаточно резервов, а ее армия вполне

боеспособна. Исходя из этого, он заключил, что дальнейшее наступление на Украине или на петроградском направлении не сулило весомых результатов. Увеличение вооруженных сил Франции и Великобритании, которую Фалькенгайн по-прежнему считал главным противником, заставило его спланировать сильный удар на Западном фронте. По его мнению, достаточно было нанести Франции массированный удар в каком-либо пункте, чтобы вывести ее из войны. Этим пунктом в феврале 1916 г. суждено было стать сильно укрепленной французской крепости Верден.

Успешное решение военных задач на Западном фронте могло быть осуществлено Германией только в том случае, если бы немецкой дипломатии удалось обезопасить себя от ответного наступления на Восточном фронте. Все это вновь создавало предпосылки для активизации деятельности германских политиков и военных с целью вывести из войны Россию, заключив с ней сепаратный договор. Так, в 1916 г. начался очередной раунд «мирной атаки» германской дипломатии в отношении России, что было обусловлено новыми задачами, вставшими перед членами Четверного союза на Западном фронте.

Идея, с которой на сей раз выступили сторонники сепаратного мира с Россией, могла показаться, на первый взгляд, весьма неожиданной. Для оказания финансового и экономического давления на Петроград немцы решили использовать недавнего противника России, а ныне ее союзника — Японскую империю. С этой целью уже в начале 1916 г. в Стокгольме начались секретные переговоры между Берлином и Токио.

Впрочем идею разыграть «японскую карту» в русско-германских отношениях можно назвать неожиданной и парадоксальной только на первый взгляд. Еще 12 июня 1915 г. Фалькенгайн сообщил Бетману информацию, полученную им от военного атташе Германии в Вашингтоне. Немецкий дипломат в своем сообщении «очень верно указывал на значение, которое Япония имеет для России как поставщик вооружения и военного снаряжения». Фалькенгайн даже выразил мнение, что именно японское вооружение и помогло России оказать достойное сопротивление войскам рейхсвера в ходе их наступления на Восточном фронте. Более того, по сообщениям из Вашингтона, союзники предпринимают активные попытки, чтобы привлечь японские

войска к участию в прямых военных действиях на Европейском континенте. В связи с этими двумя причинами шеф германского генерального штаба поставил перед главой правительства вопрос: «А нельзя ли прийти к соглашению с Японией?»²⁴

В Берлине решили наладить контакты с японцами в Стокгольме, причем это решение не было спонтанным. Посол Страны восходящего солнца в Швеции Усида в разговорах с дипломатическими представителями Австро-Венгрии и Турции неоднократно заявлял о своих искренних симпатиях к Центральным державам, а о союзниках по Антанте не раз публично высказывался весьма пренебрежительно и неуважительно. Неоднократно выражал он германским представителям сожаление о том, что их две великие империи находятся в состоянии войны.²⁵

По мнению немецких военных, заключение союза с Японией давало Германии целый ряд весьма ощутимых геополитических преимуществ. Во-первых, как полагал начальник штаба имперского Адмиралтейства Г. Гольцендорф, прекращался важный источник поступления вооружения и стратегических материалов в Россию; во-вторых, Германия получала возможность вести через Японию более активную политику в Китае, и, наконец, германо-японский союз нанес бы удар по интересам Британской империи в районе Тихого и Индийского океанов.²⁶ Мнение шефа Адмиралтейства разделял и военный министр адмирал Тирпиц. Он полагал, что ради заключения японо-германского союза Германии даже следует отказаться от претензий на китайскую территорию. Мысль эту Тирпиц высказал в беседе с канцлером, которая состоялась еще в августе 1915 г.²⁷

Таким образом, когда в феврале 1916 г. в Стокгольме начались активные тайные японо-германские переговоры, они уже имели под собой определенную почву.

Активная фаза японо-германского зондажа в Стокгольме началась 19 февраля 1916 г., после того как Усиду посетил директор шведского телеграфного агентства Эклунд, ранее уже принимавший участие в посреднических

акциях. Эклунд высказал японскому дипломату мысль о том, что «если Россия в настоящее время еще не решается заключить сепаратный мир, то исключительно из боязни Японии. Если бы Япония заключила сепаратный мир с Германией, то ее примеру последовала бы и Россия. Швед полагал, что «тогда Япония получила бы возможность разделить Китай совместно с Германией и Россией».²⁸

14 марта, по сообщениям германского посланника в Швеции Люциуса, Усида по собственной инициативе попытался вступить с ним в контакт.²⁹ Еще через несколько дней — 30 марта — известный германский промышленник Г. Стиннес, тоже занимавшийся закулисной посреднической деятельностью, сообщил канцлеру о том, что между ним и Усидой состоялся весьма доверительный разговор, в котором японец высказал заверения в том, что Япония хотела бы как можно скорее заключить сепаратный мир с Германией. Что же касается России, то, по мнению Усиды, «она имеет слишком много земли» и за заключение подобного мира с Берлином должна «уступить» немцам Польшу, «хотя о Курляндии он не знает».³⁰ В ходе беседы японский дипломат вновь настаивал на своей личной встрече с германским послом в Стокгольме.

1 апреля, наконец, встреча двух послов состоялась. Правда о том, что обсуждали между собой Усида и Люциус, до сих пор не существует единого мнения. По японской версии, Люциус заявил, что давно уже настало время заключить мирный договор между Германией и Японией, а что касается России, то, по мнению Усиды, ее правительство уже давно хочет окончания войны, но от соглашения с Германией Петроград удерживает лишь общественное мнение и опасения по поводу действий японцев. По этой же версии, японский посланник вел себя весьма сдержанно и заявил о том, что «у Японии нет надобности ускорять мир».³¹

Вторая, немецкая, версия полностью противоречит первой. Так, Люциус сообщал в германское внешнеполитическое ведомство о том, что на встрече Усиды заявил об отсутствии каких-либо противоречий между германским

²⁴ L'Allemagne et les problèmes... Т. 1. 12.6.1915. Р. 123. Фалькенгайн — Бетману-Гольвегу.

²⁵ См.: Евдокимова Н. П. Указ. соч. С. 66.

²⁶ См.: L'Allemagne et les problèmes... Т. 1. Гольцендорф — Ягву. Р. 237. 11.12.1915.

²⁷ РААА. Vermittlungsaktionen. R20453. Нота Бетмана-Гольвега. 9.8.1915.

²⁸ Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Т. 10. С. 249, 250. Док. 239.

²⁹ См.: L'Allemagne et les problèmes... Т. 1. Р. 286, 287. Люциус — в МИД. 14.3.1916.

³⁰ Ibid. Р. 290. Стиннес — Бетману-Гольвегу. 30.3.1916.

³¹ МОЭИ. Т. 10. С. 595. Док. 479.

и японским правительствами и о своей готовности передать в Токио «возможные пожелания» Германии. Люциус же, напротив, был весьма сдержан, давать конкретную информацию по всем вопросам отказался, заявив, что находится на встрече лишь как частное лицо.³²

Как бы то ни было, но и в первом, и во втором документе содержатся четкие сведения о том, что Люциус и присутствующий при беседе послов Стиннес высказали предложение о необходимости представителям Германии, Японии и России начать неофициальные секретные переговоры по поводу условий заключения мира между этими тремя странами.

Историки полагают, что, вступая в тайные переговоры с Германией, Япония, скорее всего, была заинтересована в сделке с Берлином по поводу контроля Киао-Чао и некоторых тихоокеанских островов, до начала войны принадлежавших Германской империи. Кроме того, Япония была крайне заинтересована в обеспечении себе свободных рук в Китае.

Намного сложнее определить цели, которые в данном случае преследовал Берлин. Впрочем ответ на этот вопрос, вероятно, можно найти в сообщении Люциуса, который считал, что главной задачей на этих переговорах было добиться того, чтобы «благодаря влиянию токийского правительства в Санкт-Петербурге Россия была бы побуждена послать (в Стокгольм — *В. III.*) компетентную персону».³³ Таким образом, можно прийти к выводу о том, что, начиная закулисные переговоры с японцами в Стокгольме, немцы в качестве главной цели считали налаживание контактов с русской стороной. Проблема взаимоотношений с Японией интересовала германские правительственные круги в меньшей степени.

После этой первой встречи, происшедшей 1 апреля 1916 г., контакты между немецкими и японскими дипломатами в Стокгольме участились. В конце апреля 1916 г. японский консул в Швеции Линдберг передал своему немецкому партнеру по переговорам Стиннесу-младшему конфиденциальную информацию о том, что, согласно сведениям, полученным им от Усиды, японское правительство попросило своего посла в российской столице оказать содействие русским в направлении их представителя для ведения тайных переговоров с немцами в Стокгольме.

Эта информация вызвала оживление в германском внешнеполитическом ведомстве. Ягов уже 26 апреля послал срочную телеграмму в шведское представительство, в которой сообщил: «Если Японии удастся привести Россию к миру, мы проявим готовность отказаться от наших прав (на тихоокеанские владения — *В. III.*)».³⁴

Японцы, казалось, весьма охотно подхватили идею обмена германских дальневосточных владений на обещание содействия в том, чтобы принудить Россию сесть за стол переговоров в Стокгольме. «В ходе сегодняшнего разговора с японским министром (имеется в виду Усида — *В. III.*) тот намекнул, что в силе Японии сделать так, чтобы привести Россию за стол мирных переговоров, если мы Японии уступим находящиеся ныне под ее властью немецкие владения и тихоокеанские острова».³⁵

Эта информация была с удовлетворением воспринята в германском Министерстве иностранных дел. Даже такой противник мирных переговоров с Россией, как стас-секретарь Циммерман, согласился с Люциусом. На полях этого сообщения он написал: «Правильно», — и дальше развил мысль о том, что Германии в создавшейся ситуации будет трудно защитить свои тихоокеанские колониальные владения. «Нашей целью должна быть Африка. В Тихом океане в будущем могут остаться только одни японцы и американцы, дни Англии там должны быть сочтены», — заключил стас-секретарь.

В данном случае с Циммерманом согласился и канцлер, который на полях все той же телеграммы Люциуса вполне ясно выразил мысль о допустимости передачи Японии доверенных германских владений на Дальнем Востоке при условии, что Токио реально способствует выводу из войны России.³⁶

Кажется удивительным, что видные германские государственные и политические деятели всерьез рассматривали вероятность того, что российское руководство «примет во внимание» советы своих восточных соседей и кардинальным образом изменит свою внешнюю политику. Совершенно непонятно, по каким причинам и во имя чего Петроград должен был разорвать союзнические связи с Лондоном и Парижем. Что русские получили

³² См.: L'Allemagne et les problèmes... Т. 1. Р. 293. Люциус — в МИД. 1.3.1916.

³³ Ibid. Р. 293, 294.

³⁴ Ibid. Р. 313. Ягов — в представительство в Стокгольме. 26.4.1916.

³⁵ Ibid. Р. 320. Люциус — в МИД. 6.5.1916.

³⁶ Ibid.

бы взамен? Да и зачем японцам нужно было выпрашивать у немцев право на владение бывшими германскими тихоокеанскими владениями, если у Берлина и так не было ни малейшей реальной возможности их отвоевать?

Более того, как подчеркивает российский историк Н. П. Евдокимова, буйная фантазия некоторых германских деятелей, в частности Стиннеса, в те дни вообще нарисовала грандиозный план кардинальной перестройки всей системы международных отношений и перегруппировки сил на международной арене. План этот выразился в намерении использовать трехсторонние переговоры в Стокгольме для заключения договора о союзе между Германией, Россией и Японией.³⁷

Впрочем эта бредовая идея вызвала неподдельный гнев в кулуарах Министерства иностранных дел в Берлине. «Мальчик Стиннес — насильник, который хотел бы нашу политику втиснуть в сферу своих собственных интересов. Отсюда и союз с Россией, который поставит нас в принципиальные противоречия с Западом. Что может Россия предложить нам? Прежде всего, надо видеть, что будет после войны. Лично я склоняюсь к мнению, что в этом случае могут не заставить себя ждать очень серьезные внутренние перевороты. В любом случае Россия едва ли долгие годы будет активной. Бессильных союзников у нас уже предостаточно. Союзничество предполагает позитивные результаты. В случае с Россией это мне не видится», — разразился гневной филиппикой фон Ягов.³⁸

Таким образом, даже один из самых последовательных сторонников сепаратного мира с Россией полагал возможным только заключение с ней договора о нейтралитете, который «парализовал бы Францию и заставил бы ее пойти на взаимопонимание» с Германией. Россия же, по мнению немецкого министра, получила бы от этого договора «защиту ее западных границ в случае возможного конфликта с Англией из-за Персии».

Впрочем Ягов не совсем понял и того, зачем Японии необходимо заключение военнополитического союза с Германией. То ли она боится заключения союза между Америкой и Англией, который ущемил бы интересы Токио на Дальнем Востоке, то ли здесь играют роль особенности русско-японских отношений в

Маньчжурии и Монголии? Как бы то ни было, Ягов призвал немецкого посланника в Стокгольме умерить необузданные фантазии Стиннеса и взять нить переговоров в свои руки.³⁹

Ответ Люциуса на указания своего шефа был весьма неожиданным для последнего. Стиннес, оказывается, по словам посланника, «идею альянса между нами, Россией и Японией, вероятно, уже обсудил в Берлине с канцлером, государственным секретарем Гельферихом и, возможно, с его превосходительством Циммерманом и, возможно, нашел у них одобрение».⁴⁰ И действительно, целый ряд последующих событий, происшедших в кулуарах берлинских министерств, ответственных за решение внешнеполитических проблем, говорят о том, что у этого утверждения имеются весьма серьезные основания. Такая бурная непосредственная реакция Ягова на идею о заключении тройственного союза между Германией, Японией и Россией свидетельствует лишь о неосведомленности министра иностранных дел о той острой закулисной борьбе, которая велась в верхах по внешнеполитическим вопросам. В свете этого совсем не кажется неожиданной отставка фон Ягова с поста министра, которая произошла в ноябре 1916 г.

На самом деле в недрах Министерства иностранных дел Германии и в других имперских ведомствах, связанных с решением внешнеполитических проблем Второго рейха, уже созрел план перегруппировки сил на международной арене. Наглядным свидетельством этого стала нота видного германского дипломата А. Кемница от 7 мая 1916 г. Хотя до сих пор историки не выяснили, в какой мере к разработке этого документа причастен Бетман-Гольвег и другие авторитетные немецкие политики, содержание ноты Кемница говорит о многом.

Главным пунктом подготовленного плана было заключение секретного договора о союзе между Германией, Россией и Японией. Договор этот должен был быть направлен против Англии и предусматривать даже оказание союзниками военной помощи друг другу как на суше, так и на море в том случае, если одно из трех государств будет подвергнуто нападению со стороны британской короны.

С другой стороны, немецкий дипломат предлагал заключить и секретный договор между Германией, Японией и Австро-Венгрией,

³⁷ См.: Евдокимова Н. П. Указ. соч. С. 69.

³⁸ L'Allemagne et les problemes... Т. 1. P. 325. Ягов — Люциусу. 8.5.1916.

³⁹ Ibid. P. 325, 326.

⁴⁰ Ibid. P. 329. Люциус — Ягову. 9.5.1916.

направленный своим острием уже против России. Проект договора также предполагал оказание военной помощи на суше и на море со стороны Японии, если Россия нападет на Германию и Австро-Венгрию, а две последние должны были оказать вооруженное содействие Японии, если та подвергнется нападению со стороны армии и флота России.

Более того, в ноте существовало предложение и о заключении третьего секретного договора — между Германией и Россией. Он должен был обеспечить нейтралитет России в случае нападения Франции на Германию и нейтралитет Германии в случае нападения Японии на Российскую империю.

Все три указанных секретных договора предполагалось подписать на основе неких «мирных условий», которые также были подробно разработаны автором записки.

Каковы были эти условия? Для России, например, предусматривалась передача Австро-Венгрией части Восточной Галиции, уже находившейся на тот момент под оккупационным контролем русской армии. За это она должна была расплатиться Литвой и Курляндией. Польша также оставалась под немецким владычеством. Турция, в свою очередь, должна была передать России часть турецкой Восточной Армении, также уже находившуюся под контролем русской армии. Кроме того, турецкие власти обязывались пропускать через подконтрольные Турции черноморские проливы военные корабли под андреевским флагом. Афганистан и Персия (за исключением Западной Персии, которая должна была оставаться под контролем турок) также объявлялись сферой интересов Российской империи. Это же касалось части китайской территории, включая Внешнюю Монголию и Северную Маньчжурию. За это Россия навсегда должна была отказаться от активной политики на Балканах. Сербия полностью отдавалась на откуп Австро-Венгрии и Болгарии. Все вопросы относительно Албании и Греции, согласно планам Кемница, также должны были совместно решать только Австро-Венгрия и Болгария, а территория Черногории урезалась до границ, в которых она находилась до балканских кризисов.

Таким образом, в Берлине была разработана идея о том, какими средствами можно полностью вытеснить Россию из Европы и заставить ее ограничить свои геостратегические интересы лишь Ближним и Дальним Востоком. Германских политиков, кстати, совсем

не интересовало то, как посмотрят союзники Второго рейха — Австро-Венгрия и Турция — на тот факт, что именно им придется расплачиваться (передачей части Галиции и Восточной Армении) за «умиротворение» России и заключение союзного договора между Берлином и Петроградом.

Планировали в Берлине направить в сторону Китая и экспансию Японии. Согласно той же ноте Кемница, Берлин уступал Токио все свои владения в Китае и тихоокеанском регионе. Но при этом за Циндао Япония должна была бы перечислить Германии половину вложенных ею туда капиталов, а за Каролинские острова — выплатить сумму, равную той, которую в свое время заплатил за них Берлин Испании.⁴¹ Итак, Япония переориентацию своей внешнеполитической линии получала «из рук» Германии то, чем она давно владела, и при этом еще должна была бы заплатить Берлину, полностью вытесненному на тот момент с Дальнего Востока, весьма солидную сумму. Остается только удивляться поистине детской наивности некоторых стратегов германской внешней политики.

Ответ японской стороны на все мирные предложения поступил в тот же самый день, которым была датирована нота Кемница. 17 мая 1916 г. Усида заявил от имени правительства, что Япония не может позволить себе вступить в какие-либо сепаратные переговоры с Германией, не уведомив предварительно своих союзников по Антанте. Впрочем, чтобы подсластить пилюлю, Усида заметил, что японцы, имея сильное влияние в России, готовы оказать посреднические услуги во Франции и Англии. На это предложение Вильгельм II отреагировал со свойственной ему прямолинейностью: «Коль скоро не может быть заключен сепаратный мир, все остальное — бессмысленное надувательство».⁴²

Так безрезультатно закончились попытки Берлина разыграть «японскую карту» и при посредничестве Токио вынудить Россию сесть за стол переговоров с противником. Таким же безуспешным оказалось стремление некоторых представителей германского дипломатического ведомства заключить некий тройственный союз между Германией, Японией и Россией, не имевший под собой никакой основы.

⁴¹ PAAA. Geheime Akten. Krieg 1914. Vermittlungsaktionen. Der Weltkrieg № 2 geh. R20463. Bd. 17. Нота Кемница. 8.5.1916.

⁴² L'Allemagne et les problemes... T. 1. P. 343. Люциус — в МИД. 17.5.1916.

Фиаско германской дипломатии в ее попытках использовать Японию для установления сепаратных контактов с Россией не обескуражило берлинских стратегов. Вывести Россию из войны любыми способами оставалось одной из важнейших задач германского внешнеполитического ведомства, и не только его одного. Попытки зондирования возможности налаживания контактов с российским руководством продолжались в Берлине вплоть до 5 ноября

1916 г., когда германское и австро-венгерское правительства в совместном заявлении признали «независимость» Польского государства.

Это заявление вызвало бурю негодования в России, в том числе и у самого Николая II. Теперь исчезла даже гипотетическая возможность найти взаимоприемлемый компромисс с Германией, а в самой России резко активизировались сторонники продолжения войны до победного конца любой ценой.

Viacheslav K. Shatsillo

Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: *vshatsillo@mail.ru*

SEPARATE NEGOTIATIONS BETWEEN RUSSIA AND GERMANY DURING WORLD WAR I

The article analyzes the most topical issues in the history of the Russian Empire's relations with its adversaries during World War I period. Particular attention is paid to the attempts of the German military and political leadership to persuade Russia entering into a separate peace treaty with the Central Powers in the end of 1914–1916. Based on original documents from German archives, many of which have not been academically researched before, the author came to the conclusion that the Russian government firmly rejected all attempts to conclude a separate peace treaty with the enemy behind their allies' back. On the other hand the German military and political leadership also did not share one common strategy with regard to the Russian Empire. The advocates of entering into a peace treaty with Petrograd faced strong opposition in Berlin from supporters of tough annexationist policy and the idea of complete military defeat of Russia.

Key words: *World War I, the international relations during the 1914–1916, peaceful mediation, separate negotiations between Germany and Russia, foreign policy of Russian Empire*

REFERENCES

- Dnevniky imperatora Nikolaya II* [Diaries of Emperor Nicholas II]. Moscow: Orbita Publ., 1991, 736 p. (in Russ.).
- Evdokimova N. P. *Mezhdu Vostokom i Zapadom. Problemy separatnogo mira i manevry diplomatii avstro-germanskogo bloka v 1914–1917 gg.* [Between East and West. Problems separate peace and maneuvers diplomacy of the Austro-German bloc during 1914–1917]. Leningrad: LGU Publ., 1985, 169 p. (in Russ.).
- Farrar L. L. *Divide and Conquer. German efforts to conclude a separate peace. 1914–1918.* New York: Columbia University press, 1978, 180 p. (in English).
- L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des affaires etrangeres* [The Germany and the problems of peace during the First World War. Documents from the archives of the German Office for Foreign Affairs]. Paris: L'Harmattan, 1962, Vol. 1, 1149 p. (in French).
- Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma* [International relations in the era of imperialism]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo Publ., 1938, 646 p. (in Russ.).
- Novikova I. N. «*Mezhdu molotom i nakovalney*». *Shvetsiya v germano-rossiyskom protivostoyanii na Baltike v gody Pervoy mirovoy voyny* [“Between a rock and a hard place.” Sweden in the German-Russian opposition in the Baltic Sea during the First World War]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2006, 450 p. (in Russ.).
- Pisarev Yu. A. *Novaya i noveyshaya istoriya* (Modern and Contemporary History), 1985, № 6, 7, pp. 45–55. (in Russ.).
- Rostunov I. I. *Russkiy front pervoy mirovoy voyny* [Russian front of World War I]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 389 p. (in Russ.).
- Tirpitz A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Voenizdat Publ., 1957, 226 p. (in Russ.).
- Werstap K. *Konservative Politik im letzten Jahrzehnt des Kaiserreiches* [Conservative politics in the last decade of the Empire]. Berlin: Verlag unb., 1935, Vol. 2, 375 p. (in German).